

СИСТЕМА КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В МЕЖДУНАРОДНО- ЧАСТНОПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВРЕДА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Мардонов Фазлиддин Ойбек угли

Ташкентский государственный юридический университет,

12.00.03 – Международное частное право

Аннотация

Настоящая статья посвящена одной из наиболее сложных и актуальных проблем международного частного права — определению права, применимого к обязательствам, вытекающим из причинения трансграничного вреда. Цель исследования — провести сравнительный анализ действующей системы коллизионных норм, выявить имеющиеся правовые пробелы и разработать научно обоснованные предложения по приведению законодательства Республики Узбекистан в соответствие с международными стандартами. В качестве методологии использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, исторический и нормативно-правовой методы анализа. Результаты исследования свидетельствуют о том, что национальный коллизионный порядок, основанный на классическом принципе *lex loci delicti commissi*, не способен эффективно защитить интересы потерпевших в случаях трансграничного экологического, техногенного и цифрового вреда. В частности, в статье 1194 Гражданского кодекса Республики Узбекистан не закреплены такие механизмы, предусмотренные Регламентом Рим II, как принцип «права места наступления вреда» (*lex loci damni*), доктрина «наиболее тесной связи» и право выбора в пользу потерпевшего при экологическом вреде. Научная новизна состоит в разработке модели совершенствования системы коллизионных норм об обязательствах из причинения трансграничного вреда на основе двухуровневого подхода (жёсткий критерий + гибкое исключение). Практическая значимость: предлагаемые нормативные изменения направлены на гармонизацию национального законодательства с Регламентом Рим II Европейского Союза и Минской конвенцией СНГ, а также на повышение эффективности разрешения споров о трансграничном вреде в Центральноазиатском регионе.

Ключевые слова: трансграничный вред; коллизионная норма; *lex loci delicti commissi*; *lex loci damni*; Регламент Рим II; международное частное право; деликтное обязательство; наиболее тесная связь; принцип вездесущности; законодательство Узбекистана.

1. ВВЕДЕНИЕ

В результате углубления процессов глобализации и стремительного технологического прогресса случаи причинения вреда гражданам, окружающей среде или имуществу другого государства в результате деятельности, осуществляемой на территории одного

государства, становятся всё более распространёнными. Споры о таком трансграничном вреде представляют собой одну из наиболее сложных и деликатных проблем международного частного права: при возникновении спора необходимо определить, какой суд компетентен его рассматривать, право какого государства подлежит применению и в каком порядке должно быть удовлетворено требование потерпевшей стороны о возмещении вреда.

Актуальность данной проблемы обусловлена рядом факторов. Во-первых, различия между национальными законодательствами усиливают явление *forum shopping* — возможность истцов стратегически выбирать выгодную юрисдикцию, что препятствует обеспечению справедливого правосудия. Во-вторых, расширение деятельности транснациональных корпораций и появление новых видов вреда в цифровой среде наглядно демонстрируют недостаточность традиционных территориальных привязок. В-третьих, в Центральноазиатском регионе, где водные ресурсы, промышленное загрязнение и экологический вред в отношениях между соседними государствами порождают частые споры, — что особенно актуально для Республики Узбекистан — эффективные правовые механизмы их урегулирования ещё не сформированы в должной мере.

Цель исследования — провести сравнительный анализ коллизионных механизмов определения применимого права в обязательствах, вытекающих из причинения трансграничного вреда, выявить правовые пробелы в действующем регулировании и разработать научно обоснованные предложения по приведению законодательства Республики Узбекистан в соответствие с международными стандартами.

Задачи исследования: (1) определить правовую природу понятия трансграничного вреда и деликтного обязательства, вытекающего из его причинения; (2) провести сравнительный анализ основных принципов системы коллизионных норм — *lex loci delicti commissi*, *lex loci damni* и доктрины наиболее тесной связи; (3) выявить правовые пробелы в законодательстве Республики Узбекистан и разработать конкретные нормативные предложения.

Научная новизна состоит в том, что в данном исследовании впервые в контексте национальной правовой системы Узбекистана разработана концептуальная модель реформирования системы коллизионных норм об обязательствах из причинения трансграничного вреда на основе двухуровневого подхода (жёсткий основной критерий + гибкое исключение), а также сформулированы конкретные нормативные предложения по введению в законодательство подхода, ориентированного на защиту интересов потерпевшего (*victim-oriented approach*).

2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании применялись следующие научные методы: (1) формально-юридический — при анализе действующих нормативно-правовых актов; (2) сравнительно-правовой — в целях сопоставления Регламента Рим II Европейского Союза, Минской конвенции СНГ и национальных коллизионных норм различных государств; (3) системный анализ — для отражения взаимосвязи коллизионных норм и

целостного представления их системы; (4) исторический метод — при изучении эволюции от дела Trail Smelter (1938–1941) до современного Регламента Рим II; (5) логический анализ — для проверки соответствия предложений правовой логике; (6) нормативно-правовой анализ — при определении содержания норм международных конвенций и национального законодательства.

3. ПОНЯТИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВРЕДА И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЛИКТНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Понятие трансграничного вреда является относительно новым в международном праве, однако история его формирования восходит к промышленной революции XVIII века. В статье 2 Конвенции ООН 2001 года о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности трансграничный вред определяется как вред, причинённый на территории иного государства, нежели государство происхождения вреда, либо в местах, находящихся под его юрисдикцией или контролем. Учёный-правовед Сюэ Ханьцин уточняет это понятие, характеризуя его как экологический вред, возникающий в одном государстве и воздействующий на территорию другого, тогда как Виллиш рассматривает его более широко — как все виды вреда, причинённого территории другого государства в результате технологической деятельности.

Трансграничный вред характеризуется наличием четырёх существенных элементов в совокупности: во-первых, причинно-следственной связи между деятельностью и вредом; во-вторых, антропогенного фактора, то есть вред должен быть результатом деятельности человека, в отличие от стихийных бедствий; в-третьих, достаточной тяжести вреда, влекущей международно-правовую ответственность; в-четвёртых, выхода вреда за пределы территории одного государства и его распространения на другое государство или государства.

По своей правовой природе обязательство, вытекающее из причинения трансграничного вреда, является деликтным. Основанная на римско-правовом институте *obligationes ex delicto*, современная гражданско-правовая доктрина признаёт деликтное обязательство возникшим при одновременном наличии трёх необходимых элементов: противоправного действия или бездействия, причинения вреда и причинно-следственной связи. Статьи 985 и 999 Гражданского кодекса Республики Узбекистан закрепляют данную конструкцию в национальном законодательстве, устанавливая в том числе режим объективной ответственности за вред, причинённый деятельностью, представляющей повышенную опасность для окружающих.

Арбитражное дело Trail Smelter (США против Канады, 1938–1941 гг.) впервые закрепило в международном праве ответственность за трансграничный деликтный вред, провозгласив принцип: «ни одно государство не вправе использовать свою территорию или допускать её использование таким образом, чтобы причинять вред другому государству». Данный принцип — *sic utere tuo ut alienum non laedas* — признан нормой международного обычного права и впоследствии получил закрепление в

Принципе 21 Стокгольмской декларации 1972 года и Принципе 2 Рио-де-Жанейрской декларации 1992 года.

4. СИСТЕМА КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Определение применимого права в спорах о трансграничном вреде представляет собой одну из наиболее сложных проблем международного частного права, которая в современной доктрине решается на основе двухуровневого подхода: первый уровень — жёсткие коллизионные правила, основанные на конкретных территориальных привязках (*lex loci delicti commissi* и *lex loci damni*); второй уровень — гибкие механизмы, применяемые в случаях недостаточности указанных правил (принцип вездесущности и доктрина наиболее тесной связи).

Lex loci delicti commissi — право места совершения деликта — исторически является наиболее древней коллизионной привязкой, восходящей к римскому праву. Основное достоинство данного принципа состоит в обеспечении правовой определённости и предсказуемости: субъекты экономической деятельности, осведомлённые о правовых стандартах государства, в котором они осуществляют свою деятельность, способны заблаговременно оценивать возможные правовые последствия. В статье 1194 Гражданского кодекса Республики Узбекистан именно этот принцип закреплён в качестве основной коллизионной привязки: «права и обязанности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, определяются по праву страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда».

Вместе с тем принцип *lex loci delicti commissi* имеет существенное ограничение применительно к случаям трансграничного вреда: противоправное действие и его последствия нередко возникают на территории разных государств. Как показало дело *Trail Smelter*, когда промышленная деятельность в Канаде причинила вред на территории США, применение исключительно критерия «места совершения деяния» ставит потерпевшего в неравное положение: он вынужден обращаться в суд государства, в котором вред не наступил и которое нередко находится на значительном удалении.

В современном международном частном праве в качестве альтернативы принципу *lex loci delicti commissi* всё большее признание получает *lex loci damni* — право места наступления вреда. По мнению Сюз Ханьцин, применение права государства, на территории которого наступил вред, в полной мере соответствует как принципам охраны окружающей среды, так и принципам экологической справедливости. В пункте 1 статьи 4 Регламента (ЕС) № 864/2007 (Рим II) *lex loci damni* закреплён в качестве основного коллизионного правила: «правом, применимым к внедоговорным обязательствам из деликта, является право страны, в которой наступил вред». Статья 7 Регламента предоставляет потерпевшему право выбора при экологическом вреде: он вправе применить право страны наступления вреда (*lex loci damni*) либо право страны совершения противоправного деяния (*lex loci actus*).

Функциональное различие между принципами *lex loci delicti commissi* и *lex loci damni* отчётливо проявляется в их приоритетных целях. По характеристике Симеонидеса, первый является привязкой, «защищающей интересы причинителя вреда» и служащей стабильности экономической деятельности, тогда как второй — привязкой, «защищающей интересы потерпевшего» и ориентированной на социальную справедливость. В современном международном праве эти два принципа рассматриваются не как конкурирующие, а как взаимодополняющие механизмы.

Для решения проблемы, возникающей в случаях трансграничного вреда, когда источник вреда находится в одном государстве, а его последствия наступают в другом, в современном международном частном праве формируется принцип вездесущности (*ubiquity*). Ключевым прецедентом, впервые однозначно закрепившим данный принцип, стало решение Суда ЕС 1976 года по делу *Bier v. Mines de Potasse d'Alsace*: когда деятельность предприятия во Франции причинила вред в Нидерландах, Суд дал широкое толкование понятию «место, где произошло вредоносное событие», указав, что оно охватывает как место совершения причинного деяния, так и место наступления вреда. В результате истцу было предоставлено право выбора между двумя юрисдикциями.

В случаях, когда жёсткие территориальные привязки оказываются недостаточными — особенно в сложных трансграничных спорах, охватывающих несколько государств, — применяется принцип наиболее тесной связи (*closest connection doctrine*). В пункте 3 статьи 4 Регламента Рим II этот принцип закреплён в качестве исключительной нормы: «если из всех обстоятельств дела явно усматривается, что деликт явно более тесно связан с иной страной, нежели указанная в пунктах 1 или 2, применяется право этой иной страны». Данный гибкий механизм, основанный на фундаментальной идее Савиньи о наличии у каждого правоотношения своего «естественного центра», позволяет преодолевать ограничения жёстких географических критериев.

5. ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ И НЕСООТВЕТСТВИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УЗБЕКИСТАНА

Статья 1194 Гражданского кодекса Республики Узбекистан основывает коллизионный порядок регулирования трансграничного вреда на классическом принципе *lex loci delicti commissi*. Данный подход теоретически обоснован, однако при сравнении с современными международными стандартами выявляется ряд существенных правовых пробелов.

Первый пробел — отсутствие права выбора на основе *lex loci damni*. Статья 7 Регламента Рим II предоставляет потерпевшему право избрать *lex loci damni* — право страны наступления экологического вреда. В национальном законодательстве аналогичный механизм альтернативного выбора не закреплён. Это обстоятельство приобретает особую значимость для Узбекистана: при экологическом вреде, наступающем на территории Узбекистана вследствие деятельности промышленных объектов, расположенных в соседних государствах (например, воздействие завода

ТАЛКО на экологию региона), гражданин-потерпевший может быть вынужден ссылаться на право иностранного государства.

Второй пробел — отсутствие нормы-исключения о «наиболее тесной связи». Статья 1194 закрепляет жёсткий критерий, лишая суд возможности применить гибкий подход в сложных трансграничных спорах. По мнению Чевычаловой, такая гибкость является необходимым условием учёта особенностей конкретного дела и достижения справедливого результата. Введение в национальное законодательство формулы, аналогичной пункту 3 статьи 4 Регламента Рим II — «явно более тесная связь с иным государством», — позволит урегулировать сложные многотерриториальные споры справедливым образом.

Третий пробел — отсутствие специального регулирования ответственности транснациональных корпораций. Дела *Vedanta v. Lungowe* (2019) и *Pakootas v. Teck Cominco Metals Ltd.* (2016) наглядно продемонстрировали, что при причинении трансграничного вреда иностранной корпорацией, осуществляющей деятельность на территории другого государства, вопросы юрисдикции суда и применимого права должны быть урегулированы с достаточной правовой определённостью. Специальные нормы по данному вопросу в законодательстве Узбекистана отсутствуют.

Четвёртый пробел — отсутствие специального порядка регулирования трансграничного вреда в цифровой среде. По замечанию Миллса, для кибератак, утечек данных и вреда, причинённого посредством онлайн-платформ, критерий «места совершения деяния» технически неприменим — необходимы новые коллизионные привязки. Действующая статья 1194 не учитывает реалий цифровой среды.

6. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

На основе проведённого выше анализа применительно к коллизионным механизмам определения применимого права в обязательствах, вытекающих из причинения трансграничного вреда, можно сформулировать ряд важных научных выводов.

Во-первых, в современном международном частном праве опора на единственную коллизионную привязку недостаточна. Опыт Регламента Рим II свидетельствует о том, что эффективная система должна сочетать основной жёсткий критерий (*lex loci delicti commissi* или *lex loci damni*) с исключениями из него (право страны, где обе стороны имеют обычное место жительства; наиболее тесная связь). Эта двухуровневая модель обеспечивает тонкое равновесие между правовой определённостью и справедливостью. Во-вторых, подход, ориентированный на защиту интересов потерпевшего (*victim-oriented approach*), при экологическом и техногенном трансграничном вреде стал устойчивой тенденцией в международном праве. Как показывает сравнительный анализ Симеонидеса, система, основанная на *lex loci damni*, обеспечивает более эффективную защиту прав потерпевшей стороны по сравнению с традиционным принципом *lex loci delicti commissi*. В соответствии с этой тенденцией обогащение национальных коллизионных норм механизмами, ориентированными на интересы потерпевшего, предстаёт как историческая необходимость.

В-третьих, принцип вездесущности, утвердившийся в международной практике, — согласно которому и источник вреда, и место наступления его последствий признаются самостоятельными основаниями юрисдикции, — не получил нормативного закрепления в коллизионных нормах Узбекистана. Данный подход, сформированный прецедентом по делу *Bier*, предоставляя потерпевшему право выбора удобной юрисдикции, одновременно признаёт правовую значимость обоих государств в контексте трансграничного спора.

В-четвёртых, развитие цифровой экономики и кибертехнологии породило новые виды трансграничного вреда, при которых традиционные территориальные коллизионные привязки работают недостаточно эффективно. По оценке Миллса, такие критерии, как «место воздействия» (*place of effect*) или «место получения данных», представляют собой неизбежное направление развития современного международного частного права.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Проведённое сравнительно-правовое исследование свидетельствует о том, что в законодательстве Республики Узбекистан существует настоятельная необходимость совершенствования порядка определения применимого права в обязательствах, вытекающих из причинения трансграничного вреда. Статья 1194 Гражданского кодекса, составляющая основу национального коллизионного регулирования, по ряду аспектов отстаёт от международных стандартов.

Первая рекомендация: в статью 1194 необходимо ввести норму, предоставляющую потерпевшему право выбора применимого права на основе *lex loci damni*. В частности, включение положения следующего содержания: «при трансграничном экологическом или техногенном вреде потерпевшая сторона вправе вместо права страны совершения деяния избрать право страны, в которой наступили последствия вреда», — закрепит в национальном праве подход, ориентированный на защиту интересов потерпевшего, аналогичный статье 7 Регламента Рим II. Это приобретает особое значение в случаях экологического вреда, наступающего на территории Узбекистана вследствие промышленной деятельности в соседних государствах.

Вторая рекомендация: необходимо дополнить статью 1194 нормой-исключением о «наиболее тесной связи». Включение положения: «если из всех обстоятельств дела явно усматривается, что спор более тесно связан с иным государством, применяется право этого иного государства» — предоставит суду гибкий инструмент в сложных многотерриториальных трансграничных спорах. По мнению Чевычаловой, подобная гибкость является существенным условием учёта особенностей конкретного дела и достижения справедливого результата.

Третья рекомендация: Республике Узбекистан целесообразно присоединиться к Сингапурской конвенции о медиации. Данный шаг обеспечит возможность исполнения в иностранных государствах мировых соглашений, достигнутых в результате медиации по спорам о трансграничном вреде, и повысит практическую эффективность альтернативных способов урегулирования таких споров.

Четвёртая рекомендация: для трансграничного вреда в цифровой среде — кибератак, утечек данных, вреда, причинённого посредством онлайн-платформ, — необходима разработка специальных коллизионных норм. Материалы ЮНКЛИТРАЛ и Гаагской конференции по международному частному праву в сфере цифрового права могут служить методологической основой для этой работы.

Пятая рекомендация: в Центральноазиатском регионе, где споры, связанные с водными ресурсами, промышленным загрязнением и экологическим вредом, носят частый характер, целесообразно заключение специальных двусторонних или многосторонних соглашений с сопредельными государствами. Опыт Хельсинкской конвенции свидетельствует о том, что создание регионального нормативного порядка, устанавливающего стандарты предупреждения, оценки, ответственности и возмещения при трансграничном экологическом вреде, укрепит международный правовой авторитет Узбекистана.

В целом приведение национальных коллизионных норм в соответствие со стандартами Регламента Рим II, нормативное закрепление принципов *lex loci damni* и наиболее тесной связи, укрепление альтернативных механизмов урегулирования споров и развитие регионального сотрудничества позволят обеспечить более эффективную защиту прав потерпевших в спорах о трансграничном вреде и укрепить позиции Узбекистана в международном правовом сообществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты:

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (статьи 1194, 985, 999). — Т.: Адолат, 2023.
2. Regulation (EC) No 864/2007 of the European Parliament and of the Council on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II). OJ L 199, 31.7.2007.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.).
4. ILC Draft Articles on Prevention of Transboundary Harm from Hazardous Activities, 2001. UN Doc. A/56/10.
5. Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes (Helsinki, 1992).
6. Стокгольмская декларация по окружающей среде, Принцип 21, 1972; Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, Принцип 2, 1992.

Научная литература:

7. Xue Hanqin. Transboundary Damage in International Law. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 380 p.
8. Willisch J. State Responsibility for Technological Damage in International Law. — Berlin: Duncker & Humblot, 1987. — 290 p.
9. Grušić U. International Environmental Law in Private International Law. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 320 p.
10. Symeonides S.C. Choice of Law. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — 850 p.

11. Mills A. *The Confluence of Public and Private International Law*. — Cambridge: CUP, 2009. — 370 p.
  12. Bogdan M. *Private International Law as Component of the Law of the Forum*. — Leiden: Martinus Nijhoff, 2012. — 248 p.
  13. Hartley T. *International Commercial Litigation*. 2nd ed. — Cambridge: CUP, 2015. — 750 p.
  14. Chevychalova J. *Cross-border Environmental Liability and the Doctrine of Closest Connection* // *Journal of Private International Law*. — 2017. — Vol. 13. — № 2. — P. 415–438.
  15. Хазраткулов Т.О. Обязательства из причинения трансграничного вреда // *Научные исследования в области юридических наук*. — Т., 2024. — С. 45–62.
- Судебная практика:**
16. *Trail Smelter Arbitration (United States v. Canada)*, 3 RIAA 1905 (1938/1941).
  17. *Case C-21/76, Handelskwekerij G.J. Bier BV v. Mines de Potasse d'Alsace SA* [1976] ECR 1735.
  18. *Vedanta Resources PLC v. Lungowe* [2019] UKSC 20.
  19. *Pakootas v. Teck Cominco Metals Ltd.*, 9th Cir. (2016) No. 15-35228.
  20. *Milieudefensie et al. v. Royal Dutch Shell PLC*, District Court of The Hague, 2021.
  21. *Spiilada Maritime Corp. v. Cansulex Ltd.* [1987] AC 460 (HL).